Мне сложно сказать, сколько пришлось прыгать вокруг Лиса, уходя из-под его атак. Вряд ли долго, но мне это время показалось вечностью. Слишком мало чакры, обе руки заблокированы неудобным свертком с младенцем, а Лис полыхает удушливой злобой. Если бы не мои тренировки с шуншином и каварими, превратилась в лепешку я быстро, но и без этого… красные капли срывались с лица и падали на ткань свертка. Перенапряжение, стимулятор и пищевая пилюля не спасали. Рядом с Лисом слишком сложно было применять дзюцу, да и еще без печатей, но выбора не было. Я была обязана защитить ребенка сэнсэя! На меня надеялись! Уверена, он что-нибудь придумал! Только вот почему он медлит? Как ответ на мои мысли, Кьюби сковывают золотые цепи. Они прижимают злобную тварь к земле, а вокруг появляется прозрачный барьер. Фух! Пронесло… стоп! Золотые цепи? Это техника Кушины-сан! Не с ее ранами применять дзюцу такой сложности и силы!

Начинаю судорожно искать глазами, откуда идут цепи, это не сложно. Они не прячутся. Кушина-сан сидит на земле и слабо улыбается, что-то говоря Минато-сэнсэю. По ее губам течет кровь. Внутреннее кровотечение? Откуда? Я закрыла внутренние разрывы! Неужели это из-за применения чакры? Черт! Рывок вперед, на пределе сил и возможностей своего тела. Плевать, что болит очаг чакры, а чакраконалы трещат от перенапряжения. Не важно. Мне страшно! Я вижу марево за спиной сэнсэя и мне это не нравится! Я вижу слезы в глазах Кушины-сан и это страшно! Она сильная, она всегда улыбалась! Неужели… неужели моего вмешательства оказалось недостаточно?

— Кушина-сан! Минато-сэнсэй! — приземляюсь перед ними, короткий миг слабости, припадаю на одно колено, но Наруто в руках держу крепко.

— …я запечатаю половину чакры Лиса в Наруто, — голос сэнсэя тих, но смотрит он твердо, а за его спиной колыхается марево.

— Ради деревни? Ради баланса сил? — полный боли и надрыва голос Кушины-сан ужасает. — Почему наш ребенок должен страдать? Это не причина для твоей смерти!

— Отвернуться от деревни, все равно, что отвернуться от собственного дитя. Твоя деревня уничтожена, ты должна понимать, что значит жить без семьи, — голос сэнсэя серьезен и спокоен, последняя фраза, падает тяжело. — Кроме того, наша семья — шиноби.

— Нет, сэнсэй, это же… — я с ужасом смотрю на него, уже понимая, что не успела. Не смогла. Не справилась.

— Какаши, неси сюда Наруто, — полный боли и решимости взгляд, а напротив него появляется небольшой алтарь. Не может быть! Он готовился к этому? Почему? Неужели не верил? Нет! Он не мог сдаться так просто! Не мог! Почему он жертвует собой? Почему?!

— Сэнсэ…

— У меня мало времени, — в глазах стоят слезы. Больно. Я уже все поняла. Заметила, как снаружи барьера бьются в прозрачные стенки барьера Сандайме и парочка джоунинов. Подавляю желание плакать. Нельзя. Я должна собраться. Я должна спасти хоть кого-то!

Кусать губы до крови и молча опустить малыша на уготованный алтарь. Извини, Наруто. Я оказалась слишком слаба и эгоистична, ты все же будешь джинчурики, но я обещаю! Я не оставлю тебя и не позволю оставить Кушине-сан. Я спасу то, что еще могу спасти! Отхожу на пару метров назад, подходя к тяжело дышащей Кушине-сан. Чакры мало, но… не это сейчас главное. Я должна быть готовой ко всему. Если удастся найти Цунаде-сама… нет, не если, а точно удастся! Плевать, что она боится крови! Плевать на то, что не хочет возвращаться! Надо будет я и Орочимару-сама притащу, чтобы он лечил. Я не дам ей умереть у меня на руках.

— Хорошо, тогда… — доносится со стороны Минато-сэнсэя и я поворачиваюсь к нему, со страхом смотря, как на жилете, что защищал его тело, появляется круглая дыра, в которой видно абсолютно целое тело. Еще мгновение и полупрозрачный силуэт Лиса отделяется от основного тела Кьюби, делая его чуть ли не в три раза меньше, и впитывается в силуэт наставника. — Угр-х.

— Ты в порядке, Минато? — заметив гримасу мужа, Кушина-сан пытается подняться, но конечности ее подводят, она со стоном падает вниз.

— Кушина! — сэнсэй подбегает к Кушине-сан, не замечая, что цепи опали, Лис уменьшился и обрел некоторую свободу, чем и решил воспользоваться. Резкое движение и когтистая лапа летит в сторону ребенка. В следующую секунду происходит сразу два события одновременно. Минато-сэнсэй и Кушина-сан бросаются вперед, загораживая своими телами сына, а я… я прижимаю ладони к земле, вбухивая всю восстановленную чакру в одну единственную технику земли…

— Дотон: Дорьюсо*! — название дзюцу слетает с языка само собой и, один-единственный, шип из спрессованной земли ударяет прямо по тянущейся к ребенку лапе. Я почти успела. Чудовищной длины когти вспороли джоунинский жилет сэнсэя, оставляя глубокую рану, он чудом не перебил ему позвоночник. Впрочем, теперь он не сможет шевелиться дальше, Кушина-сан нашла в себе силы затянуть цепи. Хорошо. Кусаю губу, ощущая теплый ручеек крови. Ничего хорошего! Каждая секунда использования техники цепей травмирует и без того покореженную СЦЧ! Она может умереть! Я полевой ирьеннин, а не полноценный А-ранг! Мне не по силам срастить такие повреждения!

— Спасибо, Какаши, — слабая улыбка, хотя он едва стоит на ногах, а после начинает складывать печати. — Техника призыва.

— Йо! Йондайме! — перед моим взглядом предстает говорящая жаба, которую в живую я еще не видела. Правда, это не мешает мне определить, что он испуган. Ну, понять его не сложно, вряд ли его часто вызывают туда, где буйствует огромный злобный девятихвостый Лис. — Что Кьюби тут делает?

— Гератора, я хочу оставить ключ, — перебивает его спокойный голос сэнсэя. — Немедленно доставь его Джирайе-сэнсэю.

— Хай! — впервые вижу жабосвиток в живую, будь немного другая ситуация я бы даже впечатлилась, а так… я молчу. Просто смотрю, как Минато-сэнсэй прикладывает руку к свитку и там начинают загораться символы. — Я возвращаюсь, — сообщает Гератора и исчезает обратным призывом.

— Я люблю тебя, Кушина. Я всегда гордился такой ученицей, как ты, Какаши, — тихий, спокойный голос и мягкая улыбка напоследок. — Хакке-но-Фууин Шики, — сильно уменьшившегося Лиса затягивает в маленького ребенка, который лежит на алтаре и тот заходится диким плачем. На его животике появляется спиралевидная печать, но главное…

— Сэнсэй? — сдавленно шепчу, бросаясь в сторону упавшего на спину Минато-сэнсэя. — Нет, это не может быть правдой, сэнсэй! — падаю на колени, стараясь растормошить упавшего мужчину. Я не замечаю, как мой взгляд мутнеет, черты лица наставника расплываются. — Нет! Сэнсэй!

Больно! Перед глазами все плывет! Это моя вина! Если бы я была сильнее, расторопнее! Если бы я не жалела себя! Он бы жил! Он бы радовался! Почему? Почему?! Да, я виновата. Сильно. Он умер из-за меня, но первопричина… Обито. Как он посмел? Кушина-сан всегда была добра к нему! Она улыбалась ему! Она беспокоилась за него! Минато-сэнсэй, стоило остаться с ним наедине, всегда говорил о нем! Зачем? Неужели он не понимал, что нападает на тех, кто всегда его поддерживал? Хотел отомстить? Почему не убил меня? Почему пострадали невиновные! Скажи мне, Обито?!

— Минато… — не знаю, как в затуманенный болью мозг умудряется просочиться тихий голос Кушины-сан, но этого хватает, чтобы я вздрогнула и попыталась оглядеться. — Минато бы не хотел, чтобы ты страдала, Какаши.

— Кушина-сан… — закусываю внутреннюю сторону щеки, рот сразу же наполняется кровью. Плевать. Ненависть сильнее. Не к ней. К идиоту, что возомнил себя Богом, который решил, что имеет право судить, кому жить, а кому умереть. Не прощу. Я не прощу ему смерти сэнсэя! Как не прощу себя…

— Живи, Какаши, — тяжелое дыхание и прерывистый шепот, а после барьер окружающий нас с треском опадает. Нет, Кушина-сан не теряет сознание, просто выглядит очень худо, но все еще улыбается, пытаясь меня приободрить. Сильная. Не такая как я.

— Кушина! — рядом с Узумаки-химе мгновенно появляется Сандайме и это приводит меня в себя. Молча передаю тело сэнсэя ближайшему джоунину и, собрав немного крови стекающей к подбородку, складываю печати призыва.

— Звала, Какаши? — три нинкена появляются сразу. Именно те, что я и хотела. Ищейки. Не знакомые, они впервые пришли на мой зов, но это не важно. Сейчас каждая секунда на счету. — Ничего себе!

— Найдите Цунаде-сама и Джирая-сама, — хрипло приказываю я, позволяя им осмотреть побоище. — Передайте, что Йондайме мертв, их помощь нужна Кушине-сан.

— Есть! — больше никаких вопросов, нинкены срываются с места, а я подхожу к Наруто, угрожающе рыча на АНБУ, попытавшегося взять его оттуда. Не позволю.

— Сандайме-сама, нужно позаботиться о ранах Кушины-сан, — ребенок оказался в моих руках, сразу же стало легче. Диагностика показывает небольшие трещины в чакроканалах, которые быстро появляются и тут же исчезают. Чакра биджу делает свое дело. Он перестраивает джинчурики под себя.

— Это джинчурики? — не вопрос, утверждение.

— Да, — смысла скрывать нет, но инстинктивно прижимаю сверток к себе сильнее. Так просто не отберете. Сына сэнсэя я вам не отдам.

— Хорошо, — короткий кивок и он отворачивается, начиная раздавать указания. Вскоре, рядом появляется команда ирьенинов и начинает первичную диагностику и лечение Кушины-сан. Я не отхожу от них ни на секунду, так же, как и не выпускаю из рук Наруто. Я не могу потерять еще и их! Есть же еще что-то, что я могу сделать?!

Истерика… я не могла ее себе позволить. Только не сейчас, когда между Наруто и всеми остальными стояла я одна. Нет, не одна. Решение приходит мгновенно. Я не справлюсь с охраной в одиночку, мне нужна помощь, союзники. Команда ирьенинов еще не успела унести Кушину-сан в госпиталь, как я вызвала еще десяток нинкенов. Каждый отправился к своей цели. Мне нужна любая помощь, поэтому я направила послания не только своим друзьям, телохранителям Йондайме и своей команде АНБУ, послания ушли и Фугаку-сану, запрос пошел и в остальные Кланы, но на них я не надеялась. Не говоря уже о том, что Яманако я и на пушечный выстрел к палатам не подпущу. Руки дрожат, чакры уже давно нет, организм работает на износ, но я упрямо отказываюсь отдавать кому-либо Наруто, так и сижу вместе с ним под дверьми палаты интенсивной терапии. Кушина-сан там уже неизвестное количество времени. Плевать. Стараюсь медитировать и не упускать ничего из происходящего. Скоро должны прийти ответы от тех, у кого я запросила помощи. Надеюсь… надеюсь, мне помогут.

Не берусь сказать, сколько я провела в оцепенении, смотря на снующих вокруг людей. Я не могла больше сидеть на месте, мучаясь тяжелыми мыслями, но и в тоже время не могла оставить Наруто. Выход был. Сделать переноску, он будет прижат к груди, а руки у меня будут свободны. Найти под это дело простыню оказалось сложно, но подошел даже старый (пусть и чистый) халат, который я пустила на дело. Для жесткости я зафиксировала все одной из своих маек с чакропроводящей сеткой внутри. Заодно дополнительная защита, а я займусь делом. Освобожу часть ирьенинов, пусть потом последует откат, стимулятор еще действует, чакра вырабатывается исправно. Плевать, что чакроканалы болят. Трещин нет? Нет, только небольшие растяжения. Это не страшно. Главное, что я смогу спасти таким способом хоть одну жизнь. Я просто обязана это сделать! В нападении слишком большая доля моей вины! Это я побоялась действовать, это я позволила этому случиться! Мне страшно смотреть людям в глаза! Я не хочу появляться в морге и видеть вереницу тел, понимая, что будь я смелее, они могли бы остаться живы. Больно. Страшно. Через некоторое время просто пусто на душе.

Окончательно скатиться в апатию мне не дали мои нинкены, которые принесли ответные послания. Как и ожидалось, большая часть Кланов вежливо послала меня, пообещав предоставить желающих помогать с охраной жены и сына почившего Хокаге. Сарутоби, который взял на себя бремя власти, тоже про нас забыл, точнее чье-то внимание чувствовалось на границе внимания, но близко не подходили. Единственным, кто прислал нескольких людей, был Фугаку-сан. Два молчаливых парня встали рядом с дверьми в палату интенсивной терапии,

ожидая там окончания операции Кушины-сан. Следующими прибыли Генма, Райдо и Аоба, именно они смогли оттащить меня от кучи раненых, поняв, что я уже сжигаю не чакру, а свою жизненную энергию. Они же выбили отдельную палату, в которую после операции привезли Кушину-сан. Самыми последними появилась моя команда АНБУ, они встали у дверей, под окнами и на крыше госпиталя. Полностью перекрыв все подходы, ибо приказ Йондайме о защите его жены никто не отменил. Из моих друзей… на помощь пришли только Гай и Куренай. Оба не подходили для охраны, но зато вполне могли помочь с пропитанием и вещами. Уходить из палаты больных я отказывалась абсолютно, а Хокаге пока было не до меня. Сейчас слишком много свалилось на Коноху, а вопрос с джинчурики вполне мог подождать. Впрочем, мне на это было плевать, как и на все, что осталось вне палаты Кушины-сан и Наруто, мой маленький мирок полностью сосредоточился на двух самых дорогих мне людях.

Двое суток — именно столько продлилось мое бдение у постели впавшей в кому Кушины-сан и детской кроватки Наруто. Я не позволяла никому приближаться к ним. Все предписания высококвалифицированных ирьенинов я выполняла неукоснительно, не позволяя посторонним заходить в комнату (даже для замены пеленок). Я сама была ирьенином, я имела право делать капельницы и уколы, этим и пользовалась. Это и спасало. Пару раз мне подсовывали не слишком качественные препараты, но я вовремя замечала подвох и неудавшихся убийц отводили в отдел Ибики. Я была в прострации, я ждала чуда. И я его дождалась. Через двое суток, ближе к вечеру. В Лист вернулась Сенджу-химе. Не одна, со своей ученицей. Она сразу же отправилась в госпиталь, хотя ее и пытались остановить, занять какими-то делами, но не удалось. Она целеустремленно двигалась к своей цели, к центральному госпиталю Конохи. Я узнала о ее прибытии одной из первых (нинкены предупредили), но встречать не вышла, я ждала прибытия величайшего ирьенина современности в палате с Кушиной-сан. Я банально боялась их оставить, ведь мой отряд АНБУ заменили другие ребята. Им я не доверяла и доверять не собиралась.

— Цунаде-сама, — стоило женщине войти, как я вскочила на ноги и поклонилась.

— Где больная? — короткий вопрос, отступаю в сторону, кивком головы указывая на лежащую без сознания Кушину-сан.

— Она не приходит в себя уже два, почти три дня, — хрипло замечаю я и протягиваю историю болезни Узумаки-химе, а так же все свои записи о лечении и реакциях организма на него.

— Хм… хм… хм… понятно, — прозвучало в ответ. Она быстро просматривала данные документы.

— Ее можно вылечить? — спрашиваю с плохо замаскированной надеждой. Я не хочу терять еще и Кушину-сан! Только не ее. Я не хочу вновь остаться одной. Не хочу.

— Я сделаю все, что в моих силах, — внимательно посмотрев мне в глаза, отозвалась Сенджу.

— Я буду надеяться, — мой голос был тих, даже слишком. — Больше я ничего сделать не могу.

Вновь потянулись долгие часы ожидания. Только теперь появилась надежда и в голове стали роиться странные мысли. Я была в морге, видела сэнсэя. Точнее свиток, в который запечатали его тело, которое достанут непосредственно перед панихидой. Тогда его приведут в порядок и зашьют раны. Однако… по сути Минато-сэнсэй умер только из-за того, что шинигами исторг его душу, раны были несерьезны для шиноби такого уровня. Будь иначе, он бы остался жив. Да, будь я сильнее… закусываю губу. В глазах вновь появляются слезы, но я заставляю себя успокоиться и вновь попытаться поймать ускользающую мысль. Тело в порядке (относительном), проблема в отсутствующей душе, которую забрал шинигами… Храм Масок. Да, это может сработать! Если вернуть душу в тело, разве оно не оживет? Не знаю, но мне больше не на что надеяться. Я хочу вновь увидеть сэнсэя, услышать его смех, смотреть, как он счастливо обнимает Кушину-сан. Я у них это отняла, я. Мне и исправлять, больше некому. Осталось придумать, как украсть тело, причем так, чтобы оно еще не стало разлагаться и это будет трудно… мне нужны сообщники. Срочно. Однако верить я могу только нинкенам, больше никому. Не сейчас, по крайней мере. Слишком многие решили обвинить в нападении Кушину-сан, я обязана защитить ее, не дать отчаявшимся, потерявшим все людям убить Наруто. Моя основная миссия защитить то, что было дорого сэнсэю, об остальном я могу позаботиться через какое-то время. Сейчас главное придумать, что делать с телом, как его украсть незаметно на глазах сотен шиноби.

Продолжение следует…

Примечания:

* - Дотон: Дорьюсо ("Высвобождение земли: Копья земляного течения") — Дотондзюцу, при котором пользователь создаёт из земли, грязи или камня шипы или иглы, которые могут пронзить врага, но не могут пронзить более плотные материалы.

** - Запечатывающий Стиль Восьми Триграмм (Хакке но Фууин Шики) - Фуиндзюцу, основанное на Печати четырёх символов и Печати души Демона. С помощью него Минато Намиказе, Четвёртый Хокаге, запечатывает в своем сыне Наруто Ян-чакру Кьюби.

http://tl.rulate.ru/book/55470/1415500